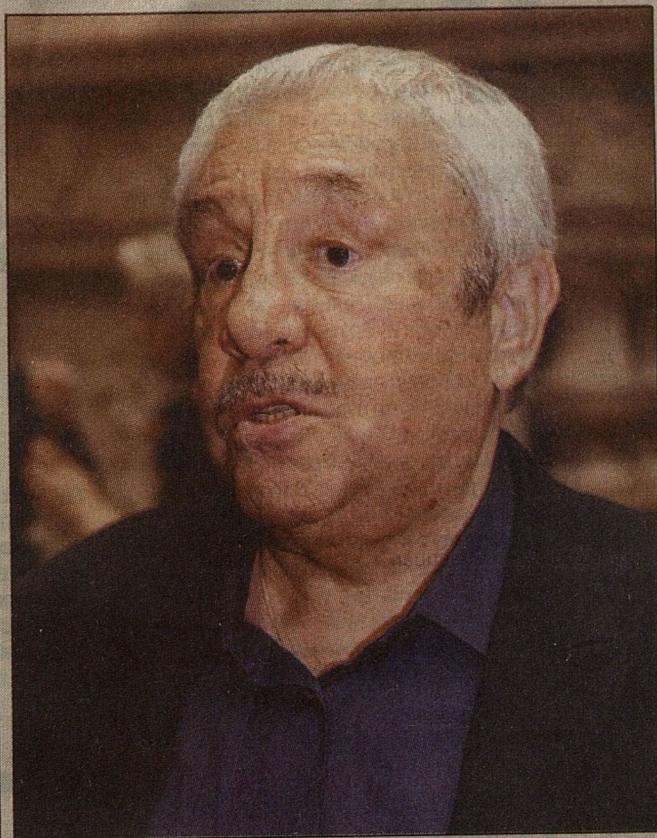

Гость «НИ»

Скульптор ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ

АНАТОЛИЙ МОРКОВНИК

«Мы живем во времена апокалипсиса»

ЕЛЕНА КВАСКОВА

Недавно знаменитый скульптор Эрнст Неизвестный отметил свое 80-летие в Москве. После торжеств он уехал в Америку, чтобы завершить работу над многочисленными проектами. В том числе и над главным произведением всей своей жизни — скульптурой «Древо жизни». Накануне отъезда Эрнст Неизвестный дал интервью «Новым Известиям».

— Вы ведь довольно часто бываете в России, но всегда при этом возвращаетесь в Америку. Почему? Разве вам не рады на исторической родине?
— Нет, просто в Штатах мне легче работается. Америка оказалась близка мне своим размахом и

ритмом. Там у меня две студии. Одна — в центре модного артистического района Сохо, на Манхэттене. Там у меня и студия, и офис, и квартира. Именно там работаю сейчас над самыми большими формами и занимаюсь графикой. Вторая моя студия и дом расположены на океанском острове Шелтон-Айленд. Как вы понимаете, «Шелтон» переводится с английского как «убежище». И для меня это действительно убежище, поскольку это моя крепость, спроектированная по моим же дизайнерским идеям (вплоть до мебели). Там я отливаю памятники в бронзе. Там же — парк скульптур, в котором установлено 28 моих вещей.

— Кроме скульптуры и графики, чем вы увлечены сейчас?

— Я читал лекции в Кембридже и в Гарварде. Преподавал и преподаю искусство, литературу и философию через свою скульптуру и графику, при этом обращаясь к эстетике Данте, Достоевского, Бахтина...

Окончание на стр. 5

Новые известия - 2005 - 27 апр. - с. 15

«Мы живем во времена апокалипсиса»

Окончание. Начало на стр. 1

Недавно вышла книга моих лекций под названием «Кентавр». Там излагается моя идея синтеза искусств. Покойный философ Мераб Мамардашвили написал как-то обо мне статью, где назвал меня «беспорным» философом. Но я-то себя философом не считаю, потому что я лишь анализирую свои творческие позиции. Если и прибегаю к философии, то лишь чтобы осознать самого себя.

— **Вы не любите вспоминать о войне и уж точно не принадлежите к числу тех художников, которые «переплавили» свой военный опыт в какие-то конкретные работы. Но в то же время, как мне кажется, все ваше творчество пронизывают боль и фантазмагория войны.**

— Раны войны в любом случае дают о себе знать — и физические, и душевные. Ведь военный опыт неизбежно, так или иначе, находит отражение в моих работах. И я бы не сказал, что у меня вовсе нет «военных произведений». Свое вполне конкретное отношение к войне я выразил в серии малых скульптур под названием «Война — это...». Другое дело, что я не пытаюсь быть объективным историком, оставаясь художником со своим личным взглядом. Мне кажется, я имею на это право.

В 17 лет я ушел добровольцем, командовал ротой, будучи еще «зеленым» лейтенантом — тогда ведь офицеров просто не хватало. На той войне я получил тяжелейшее ранение — был прострелен позвоночник. Пережил клиническую смерть: санитары сбросили меня, загипсованного, на лестницу, ведущую к моргу, — и это, как ни странно, спасло мне жизнь. Гипс раскололся от удара, и я, очнувшись от боли, закричал. Родители между тем успели получить похоронку. Но дело ведь не столько в мучениях тела, сколько в мучениях духа. Война противоестественна, ее не перескажешь. Поэтому она всплывает в моей памяти как сюрреалистическое видение.

— **Но ведь и в «мирных» работах у вас немало жестких, если не сказать жестоких образов. По-вашему, современность не избавилась от военной драмы?**

— В моем творчестве всегда присутствует драматический момент. Не случайно я многократно иллюстрировал библейский «Апокалипсис», потому что тема гибели человеческой цивилизации мне близка. В моем ощущении Апокалипсис — это не то, что начнется и закончится в определенное (точнее, в неопределенное) время — не то, что все обычно называют концом света. Мне кажется, что мы уже прямо сейчас живем во времена апокалипсиса. Процесс этот протяженный, так же как и Голгофа, — это долгое состояние распятия. Кроме того, сейчас так же происходят метаморфозы на грани животного и человеческого, человеческого и техногенного. Об этом как раз серии моих работ «Кентавры» и «Власть Змея».

— **К слову о распятии. Взгляды всего мира недавно были прикованы к Ватикану. Но ведь именно там хранятся два ваших**

СПРАВКА

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ родился 9 апреля 1925 года в Свердловске в семье репрессированных. В 1942 году ушел добровольцем на фронт. 22 апреля 1945 года был тяжело ранен, его матери прислали похоронку и орден Красной Звезды, которым Эрнст был награжден посмертно. Но он выжил. В 1946 году поступил в Академию художеств в Риге. Учился в МГХИ им. В.И.Сурикова и на философском факультете МГУ. В 1962 году был одним из участников знаменитой выставки в Манеже, которую посетил Никита Хрущев. На вопрос генерального секретаря: «Вы зачем советских людей уродуете?» — Неизвестный ответил, что имеет право видеть мир таким, каким хочет видеть. После этого он полностью лишился государственных заказов (а других в то время и не могло быть). Позднее именно Неизвестный стал автором памятника на могиле Хрущева на Новодевичьем кладбище. В 1976 году эмигрировал из СССР в Швейцарию, а затем в США. Сейчас живет и работает в Нью-Йорке. Профессор Колумбийского университета, действительный член Шведской королевской академии наук, Европейской академии наук и искусств (Париж), Нью-Йоркской академии наук и искусств. Его скульптуры установлены в Москве, Ашхабаде, Одессе, Екатеринбурге, Магадане, Вашингтоне, Нью-Йорке и других городах мира.

знаменитых «Распятия». Каким образом ваши скульптуры оказались в резиденции Папы Римского?

— Скажу сразу, что, долгое время прожив в кругу католиков или других западных конфессий, я остался православным христианином. С покупкой Ватиканом «Креста» (еще он называется «Сердце Христа») произошла следующая история. Когда в 1982 году я завершал работу над памятником Хрущеву, польские католики попросили меня сделать распятие для кардинала Войты-

лы. Я сделал довольно реалистическую скульптуру, одной из составляющих которой было символическое изображение сердца. Но тогда мне не дали закончить и передать эту работу. В итоге проект отложился до той поры, когда кардинал стал Папой Иоанном Павлом II. После жуткого покушения на него Иоанн Павел II вспомнил об этом заказе и хотел выкупить скульптуру. Но я сам ему подарил, за что получил от Папы благословение, был принят и обласкан в Ватикане.